

Лицо Цин Яня покраснело до такой степени, что казалось, с его щек вот-вот начнет капать кровь. Мужчина предложил ему продолжить, но теперь слова застряли в горле. Вместо этого он лишь тихо потянул край одежды, накинутой на плечи Цю Хэняня, слегка дернув ее, словно прося поддержки.

Цю Хэнянь не стал настаивать, чтобы тот говорил. Вместо этого его низкий, чуть хриплый голос разрезал тишину:

— А если я потеряю над собой контроль и причину тебе боль?

Цин Янь поднял голову, глядя на него глазами, полными тихой уверенности, и с мягкой улыбкой произнес:

— Если будет больно, я просто сильно укушу тебя.

На груди Цю Хэняня до сих пор оставался бледный след от зубов — след той первой ночи, когда Цин Янь, не выдержав боли, вцепился в него. Этот укус заставил мужчину прийти в себя, выдернул из водоворота потери рассудка.

Мужчина молчал некоторое время, словно обдумывая что-то важное. Наконец его голос прозвучал хрипло и еще ниже, чем прежде:

— В кузнице постоянно горит огонь. Здесь слишком жарко.

— Угу, — рассеянно ответил Цин Янь, не понимая, почему сейчас об этом идет речь, но все равно кивнув.

Затем голос Цю Хэняня стал совсем тихим, почти неразличимым:

— Цин Яню не жарко?

Цин Янь замер, на миг растерявшись. Он опустил взгляд на себя: его тело было закутано в теплый ватный халат, поверх которого он надел еще и стеганую жилетку. Пламя в кузнечном горне полыхало так ярко, что даже сидя здесь, он ощущал жар. Проведя рукой по лбу, он вдруг понял, что весь вспотел.

Он собирался ответить: «Да, довольно жарко», но слова застряли в горле, когда осознание обрушилось на него с внезапной ясностью. Его глаза распахнулись в немом изумлении.

Цю Хэнянь понял, что Цин Янь все понял, и сделал шаг назад, освобождая пространство.

Цин Янь закусил губу, поднялся, его глаза затуманились от слез стыда. Он был готов расплакаться, но несмотря на смущение, все же медленно поднял руки к пуговицам у воротника. Одна за другой пуговицы начали расстегиваться...

Кузница действительно была жаркой, но прикосновение воздуха к открытой коже заставило тело Цин Яня едва заметно вздрогнуть.

И все же он шагнул вперед, белый, нежный, уязвимый, позволяя своему телу опереться на сильное и твердое тело Цю Хэняня. Вздрогнув, он прижался к нему и, едва сдерживая всхлипы, шепнул на ухо:

— Ты меня обижаешь...

На пол с мягким шелестом упала верхняя одежда мужчины.

Современный «гигант мысли», каким Цин Янь считал себя в своей прошлой жизни, оказался полностью побежден одним древним человеком.

Во время этого долгого процесса Цин Янь смутно слышал, как кто-то стучал в дверь кузницы. Причем не один раз. Но он был слишком поглощен происходящим, чтобы уделить этому внимание. Его ноги давно оторвались от земли, руки судорожно цеплялись за крепкие объятия вокруг талии. Боль становилась все сильнее, и он хотел укусить мужчину, но, как ни старался повернуть голову, просто не мог до него дотянуться.

Со временем его сознание стало затуманиваться. Последнее, что он помнил, — это ярко-красное пламя горна, удушающий жар и непреодолимая жажда.

Солнце уже зашло, небо начало темнеть. Вокруг лавочники сворачивали свои палатки, собираясь домой. Двери кузницы, которые были закрыты уже довольно давно, наконец распахнулись.

Ученик Цю Хэняня, Сяо Чжуан, ловко загасил огонь в печи и длинным крюком вытащил оставшиеся угли. Он молчал, но в голове его крутились мысли. Еще днем, когда он отправился доставлять товары в город, мастер строго велел вернуться пораньше и не задерживаться на улице. Сяо Чжуан действительно поспешил вернуться, но, оказавшись у кузницы, застал запертые двери. Он стучал и звал, но ответа не было.

Поначалу он подумал, что мастер ушел по делам, но хозяин соседней лавки с маньтоу уверял, что видел Цю Хэняня в кузнице, и тот никуда не выходил. В итоге Сяо Чжуан остался ждать у двери, а чтобы согреться, время от времени заходил к продавцу маньтоу.

Позже, какая-то женщина из деревни по фамилии Ма пришла за своим заказом — чугунной сковородой. Она тоже постучала в дверь, но, не дождавшись ответа, недовольно сказала, что

вернется завтра, и ушла.

Сяо Чжуан ждал почти два часа, пока тяжелые деревянные двери кузницы, наконец, не открылись изнутри. Горячий воздух вырвался наружу, а на пороге появился мастер. Он выглянул, осмотрел его и спокойно сказал:

— Вернулся?

Сяо Чжуан подумал: «Давно уже вернулся», — но вместо этого только отряхнул подошвы от пыли и с уважением произнес:

— Учитель.

Затем он вошел внутрь.

Оказавшись в мастерской, Сяо Чжуан слегка удивился. На этот раз в помещении был не только его мастер. На кровати, где последние дни спал сам Цю Хэнянь, лежал кто-то худощавый, свернувшись калачиком и повернувшись спиной. Казалось, этот человек спал.

Цю Хэнянь пояснил:

— Это твой ши-нян. Он замерз по дороге сюда, я велел ему немного отдохнуть.

Сяо Чжуан кивнул, тихо ответив:

— Понял.

Он старался говорить как можно тише, чтобы не потревожить «ши-нян». И добавил, полусшепотом:

— Я-то думаю, почему стучал так долго, а вы мне не открыли. Учитель, вы, наверное, вместе с ши-нян уснули?

Сяо Чжуан, продолжая заниматься своими делами, болтал, даже не глядя на выражение лица своего мастера. Он не заметил, как тот на миг замолчал, и лишь когда тишина затянулась, юноша задумался, собираясь обернуться. В этот момент он наконец услышал от мастера короткое и запоздалое:

— Угу.

Цин Янь был отнесен домой на руках. К счастью, на улице уже стемнело, и он сам почти

ничего не осознавал, иначе от стыда он, наверное, хотел бы провалиться под землю.

Очнулся он уже глубокой ночью.

Цю Хэнянь сидел, привалившись к изголовью кровати, и, держа Цин Яня в объятиях, ложкой поил его теплой рисовой кашей. Цин Янь чувствовал себя ужасно: все тело ныло, боль пронзала каждый мускул, а усталость давила так сильно, что он едва мог открыть глаза. Есть ему совершенно не хотелось, и он жалобно бурчал, пытаясь отвернуться и уснуть.

Однако Цю Хэнянь был непреклонен. Его голос звучал твердо, но с теплотой:

— Будь послушным, Цин Янь. Если не будешь есть, мы просто повторим все сначала.

Эти слова заставили Цин Яня вздрогнуть всем телом. Подсознательно он тут же открыл рот. С закрытыми глазами он не видел, как лицо Цю Хэняня на мгновение омрачила глубокая тень.

Когда чашка каши опустела, Цин Янь уперся — наотрез отказался есть еще. Плачущим голосом, не открывая глаз, он заявил:

— Если буду есть дальше, то просто умру.

Ложка больше не подносилась к его губам. Только тогда он наконец смог уснуть.

На следующий день, ближе к вечеру, Цин Янь окончательно пришел в себя. Он услышал шум кастрюль и тарелок из внешней комнаты. В нос ударил аппетитный аромат мяса, и его желудок напомнил о себе урчанием.

Цин Янь медленно выбрался из постели, накинул халат и неуверенными шагами отправился к двери. В наружной комнате Цю Хэнянь стоял у очага, ловко вылавливая из супа звездообразные кусочки бадьяна. Он не заметил приближения Цин Яня.

Цин Янь неспешно подошел, обхватил мужчину руками за талию и, мягко прислонившись, навалился на его спину.

Цю Хэнянь обернул голову в его сторону и свободной рукой нежно сжал запястье Цин Яня:

— Проснулся?

Цин Янь ткнулся пушистыми волосами в его шею и сонно пробормотал:

— Угу.

Они постояли некоторое время в уютной тишине. Затем Цин Янь спросил:

— Сегодня не выходил?

Вопрос был слегка неуклюжим. На самом деле он хотел спросить: «Сегодня не ходил в кузницу?», но тут же нахлынули воспоминания о вчерашнем дне. Картина того, как он, стоя в кузнице, в самом буквальном смысле «терял почву под ногами», всплыла в памяти, и он ощутил такой стыд, что лицо вспыхнуло алым румянцем.

— Нет, — ответил Цю Хэнянь, как будто ничего не заметил. — Сяо Чжуан на месте. Если что-то понадобится, он меня найдет.

Цин Янь, стараясь отвлечься от своих мыслей, затеял новый разговор:

— Я слышал, цыплята пищат. Ты их кормил?

— Утром, — кивнул Цю Хэнянь. — Но, наверное, проголодались снова. Позже еще дам им еды.

— Понял, — отозвался Цин Янь, а затем добавил: — А как насчет двора тети Ли? Ты убрал его?

— Да, убрал, — ответил Цю Хэнянь, немного улыбнувшись. — Она дала маленькую баночку меда и велела передать тебе, что его полезно пить утром перед едой — для очищения желудка.

Цин Янь продолжал задавать свои мелкие вопросы, на которые Цю Хэнянь терпеливо и обстоятельно отвечал.

В какой-то момент тишину нарушило громкое урчание в животе Цин Яня.

Цю Хэнянь усмехнулся и сказал:

— Подожди здесь, я налью тебе суп.

Цин Янь откинулся на кровать и удобно устроился, пока Цю Хэнянь подал ему чашку горячего, наваристого супа. Это был бульон из черной курицы, которую Цю Хэнянь с самого утра поручил Ван Санъяо привезти из города. Как только курицу доставили, он тут же обработал ее, очистил, выпотрошил и поставил вариться. Суп томился на огне целое утро, и к этому моменту кости курицы уже совсем размягчились.

Цин Янь с удовольствием выпил суп, наслаждаясь его вкусом и теплом. Когда чашка опустела, Цю Хэнянь убрал посуду, а затем прилег рядом. Цин Янь мягко прижался к его груди.

— Тетя Ли сказала, что вы собираетесь 15-го числа на городской рынок? — спросил Цю Хэнянь.

— Да, — кивнул Цин Янь. — Ее крема наверняка будут хорошо продаваться. Я тоже хочу попробовать продать кое-какие мелочи.

— Тогда я пойду с вами, — сказал Цю Хэнянь.

— Хорошо, — согласился Цин Янь.

После этого он провел в постели еще три дня. На четвертый день он наконец смог встать, хотя по-прежнему чувствовал слабость. Пока он избегал тяжелой работы, вроде переноски воды, состояние оставалось стабильным.

Утром он вышел из своей комнаты и сразу уловил в воздухе едва заметный, но знакомый запах. Понюхав воздух, он нахмурился и спросил:

— Откуда здесь запах лекарственных трав?

Цю Хэнянь, сидя на низкой табуретке у печи, обернулся и спокойно ответил:

— Когда варил курицу, добавил немного трав для восстановления.

Цин Янь снова втянул носом воздух и спросил:

— Но суп мы съели два дня назад. Почему запах до сих пор чувствуется?

Цю Хэнянь не ответил, лишь продолжил свое занятие. Цин Янь пожал плечами и не стал настаивать — его вопрос был скорее риторическим.

После завтрака Цю Хэнянь отправился в кузницу, а Цин Янь занялся подготовкой к ярмарке, которая должна была состояться в пятнадцатый день месяца, во время Фестиваля фонарей.

Эта идея пришла ему после недавнего визита сестры Лань и ее мужа. Сестре Лань понравилась одна из его деревянных игрушек — волчок, и это вдохновило его.

Цин Янь хоть и не был мастером в столярном деле, но в создании небольших деревянных поделок разбирался неплохо. Он набросал эскизы того, что хотел сделать, и составил подробный список необходимых материалов. Теперь оставалось только начать работу.

Соседка, тетя Ли, тоже зашла в гости и долго обсуждала с Цин Янем их совместные дела. После разговора Цин Янь записал все, что ей было нужно, в свой список.

После обеда он, тетя Ли и У Цюнянь позвали с собой осведомленного хозяина из лавки тофу, Лю Фа, и вместе на его повозке, запряженной волами, отправились в город.

На рынке они закупили все необходимые материалы. Когда все было готово, оказалось, что повозка Лю Фа уже пуста, и компания, усевшись обратно, отправилась в деревню.

У Цюнянь оказалась мастером в искусстве торга. На обратном пути она буквально не закрывала рта, рассказывая о своих методах и победах на рынке. Даже Цин Янь и тетя Ли были вынуждены признать ее превосходство в этом деле.

Вернувшись в деревню, Цин Янь в благодарность дал погонщику волов запеченную куриную ножку. Обычно пассажиры лишь благодарят хозяина повозки, но Лю Фа заранее попросил своего работника заботиться о спутниках, поэтому молодой человек проявил особую вежливость. Получив от Цин Яня сочную куриную ножку, он расплылся в довольной улыбке и пообещал, что в следующий раз обязательно поможет снова.

Дома Цин Янь рассортировал все купленные материалы и перенес их в комнату Кузнеца Вана. Затем вымыл руки и принялся за приготовление ужина.

Оставшейся дичи от дикой свиньи почти не осталось, кроме свиной головы, которую приберегли к празднику в начале второго месяца. Цин Янь аккуратно срезал мясо с шеи, нарезал его и слегка обжарил на железной сковороде.

Поскольку снег уже начинал таять, продукты, которые хранились в снежных сугробах, нужно было употребить как можно быстрее. Цин Янь подогрел оставшиеся с праздника булочки с фасолевым пастой, сварил суп из замороженного тофу и разваренной морской капусты, а также добавил куриную ножку, купленную днем. Ужин получился очень сытным и аппетитным.

Когда Цю Хэнянь вернулся домой и помыл руки, еда уже была на столе.

Мясо с шеи дикого кабана оказалось особенно нежным и хрустящим, отличаясь от других частей. Его макали в острый соус, приготовленный тетей Ли, и заворачивали в свежие листья салата, купленные Цин Янем в городе. Вкус был просто великолепным.

Пустая тарелка от мяса очень быстро оказалась на краю стола.

Перед сном, как обычно, они решили почитать книгу. После того как они закончили «Записи гор и рек», Цю Хэнянь выбрал новую книгу — «Жития бессмертных». Она рассказывала о том, как древние боги жили в мире людей, стремились к бессмертию, а затем творили добро и наказывали зло. Чтение оказалось довольно увлекательным.

Однако Цин Янь, уставший после насыщенного дня, не смог долго держать глаза открытыми. С каждым абзацем он все чаще клевал носом.

Цю Хэнянь, заметив это, отложил книгу, уложил Цин Яня на подушку, задул лампу и сам лег рядом.

Цин Янь, уютно устроившись, прижался лицом к его шее, немного потерся и уже почти засыпая, пробормотал:

— Что за запах? Горьковатый, но приятный.

Тело Цю Хэняня на мгновение напряглось, но Цин Янь этого не заметил — он уже крепко спал.

<http://bllate.org/book/13590/1205184>